

ловѣческую личность. Какъ будто бы стоя на защитѣ завѣщаннаго намъ великимъ прошлымъ русской литературы, евангельскаго въ своемъ происхожденіи, утвержденія личности, мы на самомъ дѣлѣ забываемъ все время, что это въ то же время утверждение абсолютной цѣнности не только собственной личности, но и личности другого человѣка, каждаго человѣка, всѣхъ людей.

Вл. Варшавскій.

Отъ редакціи. Желая всесторонне освѣтить положеніе русской эмигрантской литературы, редакція предоставила высказаться на эту важную тему ряду сотрудниковъ журнала — Г. И. Газданову, М. А. Алданову и В. С. Варшавскому. Само собою разумѣется, отвѣтственность за высказанныя ими съ полной свободой сужденія цѣлкомъ остается на авторахъ статей.

О кризисѣ исторической науки

Il faut peu de temps à un mensonge pour devenir vérité.

Bast

I.

Говорить о кризисѣ имѣть только въ томъ случаѣ смыслъ, если можно отчетливо отличить кризисное состояніе науки отъ ея состоянія нормальнаго.

Наука никогда не бываетъ согласованной. Въ ней всегда, если она жива, противоборствуютъ разныя теченія и школы. Даже во взглядахъ одного ученаго не бываетъ и не можетъ быть законченности. И если она была бы, то это значило бы, что наука разрешила стоящія передъ нею задачи, или — что такихъ задачъ и не было.

Такимъ образомъ, въ извѣстномъ смыслѣ наука никогда не выходитъ изъ состоянія кризиса. Ей всегда угрожаютъ смертельныя опасности. Каждая новая проблема грозитъ обанкротить все, казалось бы, столь солидно ведущееся предпріятіе.

И тѣмъ не менѣе... Быть мо-

жетъ, и нельзя провести рѣзкой логической грани между кризисомъ и нормальной жизнью науки. Быть можетъ, принципиально каждое новое открытіе, какъ и каждая новая неудача въ наукѣ, въ которой все взаимодействуетъ, должно вызвать потрясеніе всего зданія. Фактически это не такъ. Есть шелчки и есть удары. Шелчки замираютъ на поверхности, и только удары, въ зависимости отъ ихъ мощности, проникаютъ достаточно глубоко, чтобы потрясти все зданіе.

Эти соображенія естественно ведутъ къ различію основныхъ и второстепенныхъ научныхъ проблемъ и теорій. Только сокрушеніе или гнѣніе основныхъ научныхъ построеній равнозначно кризису.

Но такое пониманіе кризиса наталкивается на вопросъ: а развѣ исторія имѣетъ такіа основныя

построения? Развѣ въ этомъ смыслѣ историческая наука можетъ переживать кризисъ?

2.

Историческая наука есть наука о дѣйствительности, одна изъ наукъ о дѣйствительности, фактопись.

Одинъ изъ видныхъ историковъ XIX вѣка какъ то сказалъ, что задача исторіи — установить, «какъ это въ дѣйствительности было».

Какъ можетъ такая наука переживать кризисъ? Можно ошибаться о томъ, что было. Знающіе лучше — исправятъ. Только и всего.

И такъ взаимными и постепенными исправленіями, отбрасываніемъ ложныхъ фактовъ и установленіемъ истинныхъ, должно было бы воздвигаться зданіе исторической науки.

Но это такъ только для поверхностнаго взгляда. Если даже исходить изъ того, что безъ особаго труда можно установить современный намъ фактъ, то нельзя забывать, что историческій источникъ долженъ обладать двойной современностью: онъ долженъ быть намъ современнымъ, а затѣмъ — въ томъ или иномъ отношеніи, тому факту, который мы изъ него хотимъ извлечь.

Современность источника историческому факту совѣсьмъ не простая вещь. Историческая наука выработала рядъ замѣчательныхъ приемовъ обработки источниковъ. Молчаливые она заставила говорить; у болтливыхъ научилась отдѣлять плеведа отъ злаковъ, и установить примитивную историческую истину дѣйствительно не представляетъ теперь особой трудности.

Техника исторической науки стоитъ на небывалой высотѣ и этимъ только подчеркиваетъ остроту кризиса.

Ибо настоящая работа историка начинается тогда, когда онъ примитивно установленные факты пытается объединить въ какую-то «систему». И тутъ обнаруживается въ высшей степени странное обстоятельство. Факты, поскольку они существуютъ сами по себѣ, ведутъ тихую и мирную жизнь (нельзя забывать, что рѣчь идетъ о фактахъ прошлаго), но лишь только историки пытаются ихъ соединить и объединить, какъ они сразу начинаютъ другъ другу противорѣчить, другъ съ другомъ бороться и одинъ старается вытѣснить другой. Ихъ примирить бываетъ трудно и даже невозможно. Такимъ образомъ, эта борьба за «фактичность» часто обращается въ борьбу, не знающую пощады: она ведетъ къ утвержденію одной «фактичности» за счетъ отрицанія другой.

Конечно, система историческихъ фактовъ не есть логическая система и не по принципу логической совмѣстности ведутъ отдѣльные факты другъ съ другомъ борьбу. Въ исторической биографіи герой можетъ быть храбрымъ и трусливымъ, самоотверженнымъ и себялюбивымъ, глубоко — религіознымъ и богохульникомъ. Мало того, извѣстная противорѣчивость составляетъ непремѣнную особенность реальности историческаго образа, его естественности.

Но несмотря на такую широкую совмѣстность противорѣчивыхъ моментовъ, есть противорѣчія, въ дѣйствительности не умѣщающіяся. И этими послѣдними историкъ пользуется, чтобы рѣшить споры

отдѣльных фактовъ объ ихъ «фактичности».

Казалось бы, что совершившійся фактъ съ точки зрѣнiя историка могъ или имѣть мѣсто, или не имѣть мѣста. Промежуточныхъ возможностей, казалось бы, не существуетъ. На самомъ дѣлѣ въ исторической наукѣ «фактичность» является лишь наивысшей степенью вѣроятности. И нѣтъ факта, который не могъ бы быть опровергнутымъ его несомнѣтельностью съ другимъ болѣе вѣроятнымъ.

Такимъ образомъ — несмотря на все совершенство исторической техники — отдѣльные исторические факты получаютъ свое послѣднее обоснованiе въ согласованности «исторической системы». А это значить — иными словами — что теорiя торжествуетъ надъ дѣйствительностью, и что дѣйствительнымъ признается лишь то, что, по крайней мѣрѣ — не противорѣчитъ теоретическимъ домысламъ.

Для исторiи — какъ, впрочемъ, и для всякой науки о дѣйствительности — непреложенъ законъ: *realis est pars toto congruens*.

3.

Такимъ образомъ, если мы хотимъ уяснить себѣ, въ чемъ заключается кризисъ исторической науки, мы должны прежде всего установить, какое изъ основныхъ историческихъ построений оказалось внутренне противорѣчивымъ.

Найти отвѣтъ на этотъ вопросъ нетрудно. Внутренне противорѣчивой оказалась теорiя прогресса.

Ошибочно думать, что теорiя прогресса — это тотъ выводъ, ко-

торый дѣлаютъ историки изъ накопившагося материала. Если бы дѣло обстояло такъ, то никакого кризиса не было. Прочность воздвигнутаго зданiя не можетъ быть затронута тѣмъ обстоятельствомъ, что послѣдующiя поколѣнiя неправильно представляли себѣ тотъ планъ, по которому это зданiе построено, и тѣ приемы, съ помощью которыхъ оно было воздвигнуто. Хеопсова пирамида не начнетъ качаться, если какой-либо вздорный архитекторъ придетъ къ нелѣпой мысли, что она была построена не отъ основанiя къ вершинѣ, но отъ вершины къ основанiю.

И вообще, историку не предстоитъ прошлое, какъ зданiе, планъ, котораго онъ долженъ изучить, но онъ самъ это зданiе воздвигаетъ. Онъ не подсматриваетъ, онъ строитъ. Историки, думающiе, что теорiя прогресса это выводъ изъ историческихъ фактовъ, напоминаютъ тѣхъ алхимиковъ, которые, сами того не сознавая, въ началѣ опыта клали въ реторту то золото, которое они въ концѣ опыта находили. Есть, конечно, и другiе, которые это дѣлаютъ сознательно.

Но какъ бы то ни было, нельзя сомнѣваться въ томъ, что теорiя прогресса — это основной планъ, руководящая идея современной исторической науки. Археологъ, датируя свои памятники, исходитъ изъ положенiя, что болѣе примитивное предшествуетъ во времени болѣе сложному. Историкъ литературы съ увѣренностью утверждаетъ, что развитiю творческой личности предшествовала народная литература, которая создавалась совокупнымъ творческимъ усилiемъ цѣлаго общества. Исто-

рик права утверждает то же про право, отличая первобытную эпоху «народного права», от эпохи права рационализованного, в которой законодатель противопоставляет себя обществу. И историки хозяйства, не соглашаясь друг с другом в деталях, единомысленны в утверждении, что хозяйственному человеку — homo oeconomicus — предшествовать не-хозяйственный человек — человек-зверь, не думающий о завтрашнем дне.

Эти отдельные домыслы в самых разных областях исторического исследования соединяются в общей грандиозный образ хода человеческой истории, который играет в науке роль основной аксиомы.

В глубинах веков, в дремучих лесах, покрывавших тогда землю, отделился человек — до тех пор часть природы — от окружающей его обстановки и вступил с нею в борьбу. В упорной борьбе и неустанном творчестве создал он орудия производства, создал речь, государство, искусство, религию, науку, — все то, что называется культурой. Самая часть природы, он подчинил себя природе. Жалкая песчинка, точка приложения разнообразных, кидających ее из стороны в сторону сил, безвольный объект — обратился в сознательно творящий свое будущее своевольный субъект.

Этот грандиозный образ человеческой истории дополняется не менее грандиозным космогоническим образом. Носящаяся в мировом пространстве раскаленная земля постепенно охлаждается и в азрывах и потрясениях принимает свой настоящий

вид. Но она еще мертва, и вот на ней появляется первая жизнь. В мутной луже зарождается первая живая клеточка. Она неустанно множится, причудливо соединяясь со своими порождениями и создает весь органический мир. Скрещиванием и постепенным и неуклонным улучшением доходить природа до создания человекоподобной обезьяны, а от нея — уже рукой подать до человека.

Так смыкаются оба образа в один, убедительность и достоверность которого оказывается выше всяких сомнений. Человеческая история оказывается небольшой подробностью космогонического образа. Закон прогресса в человеческой истории оказывается выводом, частным случаем основного мирового закона.

А развѣ можно сомнѣваться, что окружающій нас мѣръ лучше бессмысленно носящагося въ пространствѣ раскаленнаго шара?

4.

Человѣческая исторія оказывается небольшою подробностью космогоническаго образа!

Это, казалось бы, подводит подъ человѣческую исторію гранитный фундаментъ, но это имѣетъ и свои отрицательныя стороны.

Интересъ къ исторіи не только не есть интересъ къ космогоніи, но наоборотъ, интересъ къ космогоніи совершенно исключаетъ интересъ къ исторіи.

Какой интересъ и какое значеніе можетъ представлять вопросъ о военномъ законодательствѣ Карла Великаго для человѣка, который мыслитъ въ масштабахъ, съ точки зрѣнія которыхъ не только

Карл Великій, но и вся европейская история — по своей малости — не могут быть даже обозначены.

И какой интерес и какое значение могут представлять всё эти вопросы для человека, который знает, или которому кажется, что онъ знаетъ законы созданія и гибели міровъ.

Но съ другой стороны, история мститъ космогоніи тѣмъ, что въ своемъ масштабѣ она обращаетъ основной законъ космогоніи въ бессмысленность.

Это случилось такъ. Временное протяженіе всей человѣческой исторіи еще недавно опредѣлялось въ 5-6 тысячелѣтій. Въ этотъ сравнительно небольшой промежутокъ времени втискивалось развитіе: отъ звѣря до современнаго человѣка. Прогрессъ оказывался не только несомнѣннымъ, но и подавляющимъ.

Сравнительно недавно не только въ самой исторіи были сдѣланы попытки продвинуть глубже начальный объектъ изученія, но была создана и особая наука — преисторія — которая поврала всё существовавшія до нея масштабы. Она скромно начала орудовать столѣтіями, какъ годами, чтобы потомъ перейти къ тысячелѣтіямъ и сотнямъ тысячъ лѣтъ. Наиболее смѣлые говорятъ уже о милліонахъ лѣтъ, протекшихъ со времени появленія человѣка на землѣ. Безъ большой опасности ошибиться можно предположить, что любая дата можетъ быть погита болѣею, но уже и добытыхъ достаточно, чтобы утверждать необходимость измѣненія нашихъ основныхъ представленій о прогрессѣ.

Для 5-6 тысячелѣтій скорость

прогрессивнаго движенія человѣчества могла казаться грандіозной. Для сотенъ тысячелѣтій можно уже желать и большаго.

Существеннѣе, однако, другое. Космогоническія представленія естественно сближаютъ начало и конецъ того отрѣзка времени, который былъ и остается подлиннымъ предметомъ изученія исторической науки. Существенно расширить кругозоръ исторической науки, отдѣливъ отъ нея преисторію — удасться не можетъ, ибо историческая наука лишь на короткій ударъ можетъ быть отдѣлена отъ письменности и ея памятниковъ. А такимъ образомъ создается непроходимая пропасть между космогоніей и исторіей.

Космогонически — въ масштабахъ сотенъ тысячъ лѣтъ — быть можетъ допустимо говорить о прямолинейномъ движеніи впередъ. Въ масштабахъ столѣтій и десятилѣтій говорить объ этомъ бессмысленно.

Линія развитія изъ прямой естественно обращается въ ломанную или кривую.

5.

На отрывѣ исторіи отъ космогоніи можно было бы поставить точку. Можно было бы удовольствоваться утвержденіемъ, что масштабы изученія исторіи мірозданія и человѣческой исторіи столь различны, что они требуютъ и иныхъ приемовъ изученія и иной системы понятій. Но такой компромиссный миръ не можетъ быть длительнымъ. Всякая наука по существу империалистична. Она не хочетъ и не можетъ ограничиться только своей сферой. Конфликтъ ея основныхъ положеній съ основными положеніями другой науки

настоятельно требует некомпромиссного разрешения.

Иными словами: нельзя примириться с решением, что от создания мира до начала человеческой истории мир неуклонно двигался вперед, а вот с начала этой истории поступательное движение сменилось или топтанием на месте, или же движением то вперед, то назад. Нельзя примириться с таким решением я вь его методологическом аспекте, т. е. в той его форме, которая утверждает, что решение вопроса зависит от точки зрения, от выбранного масштаба. Если вопрос зависит от точки зрения, то, значит, объективного решения вопроса нет; следовательно, нет и его научного решения, и в том решении, которое выдается за научное, есть какая то ошибка. В чем она?

Если мы возьмем наш вопрос вь самом упрощенном виде, поге *geometrico* — то нетрудно убедиться, что для его решения — вь каком бы масштабе мы его ни взяли — необходимо, по крайней мере, два данных: исходный и конечный пункт. Эти два данных уже необходимы для решения вопроса о характере движения точки. Поскольку идет вопрос о движении тела, количество необходимых данных должно увеличиться. Вь этом случае необходимо знать исходное и конечное положение каждой точки этого тела, или же закон распределения точек тела вь пространстве.

Как бы то ни было, знание исходного положения точки или тела необходимая предпосылка не только для решения вопроса, но даже для его обсуждения.

А с другой стороны, так же несомненно, что и при самом совершенном состоянии науки мы никогда положения исходной точки определить не сможем, во той простой причине, что исходного положения нет. Всякому исходному положению предшествует другое, еще более исходное. Это относится не только к миру вь целом, но и к каждому особому явлению вь этом мире, и не только к его исходному положению, но и к его исходному состоянию. Нельзя определить, например, появление жизни на земле. Ибо одно из двух: или жизнь есть нечто совершенно специфическое, резкой гранью отделенное от не-жизни. Вь этом случае она была всегда, ибо каждая отдельная жизнь могла произойти только от другой жизни, которая ей предшествовала. Или же жизнь есть особый вид не-жизни. Тогда она вь своем родовом образе тоже существовала всегда, и центр тяжести переносится на вопрос о происхождении видового отличия. Очень названные люди могут думать, что это значительное упрощение вопроса, для более искушенных это мало занимательная логическая игра или совершенно излишнее доказательство соотносительности понятий рода и вида.

Космогоническая теория, по существу, даже и не пытаются ответить на вопрос о происхождении жизни. Они обычно указывают лишь на то место, где первая жизнь зародилась. Это — мутная лужа. Мне кажется, что это ответить имеет символическое значение.

Так же безответным — и навсегда безответным — должен

остаться и вопрос о происхождении человека. Можно установить сотни моментов, сближающих человека с обезьяной. Можно найти — в живом виде, или в формах скелетов — все промежуточные стадии, но и в этом случае, с таким же правом можно будет утверждать, что человек является развитием обезьяны, как и то, что обезьяна является дегенерацией человека.

Да и кроме того. Если человек является развитием обезьяны, следствием какого-то закона естественного отбора, почему же теперь не наблюдаются все переходные стадии, связующие обезьяну с человеком? Почему теперь на Суматре или на Яве «в глубинах лесов» не рождаются ежедневно новые человеческие особи? Или все обезьяны, предшественники человека, исчезли с лица земли, т. е. выродились? Значит, это были какая-то особенные обезьяны. Или природа «устала», или признала бессмысленным обращать обезьян в человека? Какие бы ответы мы ни дали на эти вопросы, при всех интересующих нас явлении обратиться в исключение из общего закона, и всегда, в более или менее словесно затуманенной форме, общий закон, торжество которого должно быть обнаружено, окажется скомпрометированным.

Число примитивов этих внутренних противоречий любой космогонической теории может быть по желанию увеличено, ибо все эти противоречия происходят из одного основного:

В математике можно без труда образовать ряды, начинающиеся с нуля и доходящие в любой постепенности до данной ве-

личины. Составить такой ряд в применении к действительности нельзя, ибо исходный нуль перелетен. Для действительности непреложен закон: из ничего не выйдет ничего. А всякая космогония, как и всякое применение космогонической точки зрения к какому либо частичному явлению с необходимостью приводит к предположению нулевого значения, как исходной точки. Это затуманивается, но затуманивается словесно — тем, что линия развития чрезвычайно удлиняется. Несомненно, что это невозможно в сто, в тысячу, в десять тысяч лет, но, вот, в миллион лет это навѣрное возможно. Это самообманъ. Непредставимость нулевого значения, как исходной точки, стараются затуманить непредставимостью масштаба времени.

Существует анекдотъ про семинариста, пытающагося объяснить происхождение мира. Своєю космогонію онъ начинаетъ словами: «Въ началѣ ничего не было, одна только мусорь...» Все космогонисты въ томъ или иномъ видѣ исходятъ изъ аналогичнаго основнаго положенія. Средневѣковые теологи пытались доказать существованіе Бога, исходя изъ убѣжденія, что лучшее должно существовать. Анти-теологи XVIII и XIX вв. были склонны этернизировать худшее. Логически въ этой склонности еще бы не было большаго грѣха. Но они обратили ее въ смертный грѣхъ, приписавъ первоначальному «мусору» два другъ друга исключаютелыхъ предиката: существованіе и не-существованіе. Они почему-то считали, что убѣжденіе въ самозарожденіи «мусора» единственная приличествующая ученому точка зрѣнія.

6.

Но если бессмысленно исходить из нулевого значения, как начального, то так же неверно предположение, что действительность была когда то проста. Основной предикат действительности во всех ее аспектах — это сложность. Простое не реально. И если бы оно было бы реально, то оно во всяком случае не исторично, т. е. не подвержено изменениям. Изменяться может только то, в чем есть — опять же *more geometrico* — по крайней мере два противоборствующих элемента.

И как из нуля не может реально образоваться единица, так и единица не может раздвоиться, если она проста. Множественность и сложность, т. е. два вида сложности — или множественности — признаки реальности.

Таким образом, культура не только не произошла из не-культуры, но всегда существовало несколько культур. Язык не только не произошел из не-языка, но всегда существовало несколько языков. Государство не только не произошло из не-государства, но всегда существовало несколько государств и т. д.

Каждое из этих положений для историка не представляет ничего нового. Каждый историк хорошо знает, что как далеко ни ушел бы он в своем исследовании, он не дойдет до того момента, когда блуждающие человеческие «одиночки» заключили первый договор союзности, и не натолкнется на первую примитивную человеческую культуру, ибо в его историческом кругозоре начаткам одной культуры всегда предшествует широко развитая

другая. Это реальный опыт историка. Он мог бы им пожертвовать, уступая убедительным теоретическим домыслам. Но этот опыт является более сильной теорией по сравнению с учением о действительности, издаваемыми над самыми основными предикатами действительности.

7.

Теория прогресса не есть вывод из накопившегося материала, но основной подход, основное видение человеческой истории. И не безразлично для историка, рассматривают ли человеческую культуру как из нуля возникшую и по вечным мировым законам непрерывно развивающуюся, или как никогда не возникшую, но всегда могущую погибнуть. В понимании истории и в ее изучении не может быть большой противоположности.

Надо ли говорить, что человечество не всегда представляло себя свою историю, как неуклонное движение вперед. Библейско-христианская традиция и основная классическая представляли себя человеческую историю прямо обратную. В начале человеческой истории началась с грехопадения. В начале человеческой истории был золотой век, наш — железный — эта та низина, в которую докатилось человечество.

XIX век считается веком развития исторической науки. В известном смысле это верно. Но верно и то, что XIX век, как верный наследник эпохи просвещения, был и веком «Вавилонского пленения» исторической науки. Различная «историческая»

школы — преимущественно юридическая и экономическая — заповолили историческую науку всевозможными космогоническими схемами, внутренняя противоречивость которых обнаружилась сравнительно поздно.

Она обнаружилась под влиянием ряда обстоятельств, из которых основное это — необходимость сближения «начала» человеческой истории в узком смысле и современной нам культуры,

как следствие расширения исторического кругозора. Къ этому же выводу съ необходимостью толкалъ и тяжелый опыт послѣднихъ десятилѣтій европейской исторіи. Онъ сдѣлалъ покровы и за блестящими государственно-правовыми этикетками съ небывадой конкретностью обнаружилъ вѣчные элементы анатомическаго строения человеческого общежитія.

С. И. Штейнъ.

Освальдъ Шпенглеръ

5 мая с. г. внезапно скончался въ Мюнхенѣ Освальдъ Шпенглеръ, авторъ «Заката Запада» — быть можетъ, послѣ Ницше самый блестящій и самый влиятельный философскій и политическій мыслитель современной Германіи.

Въ своемъ культурно-философскомъ ученіи, уже достаточно извѣстномъ, онъ своеобразно сочетаетъ вліянія, идущія отъ Гете и Ницше и отчасти отъ Бергсона. На этой же базѣ онъ строитъ свою культурную (историческую) морфологию. Въ своемъ же ученіи политическомъ онъ (быть можетъ самъ этого не сознавая) идетъ по стопамъ Родбертуса-Ягцова, современника Маркса и Ласкаля, задолго до Шпенглера пытавшагося также объединить идею консервативнаго социализма съ идеей прусской государственности.

Многіе видятъ теперь въ Шпенглерѣ предтечу гитлеризма. Но кто читалъ его послѣднее произведение («Die Jahre der Entschei-

dung»), тотъ знаетъ, что этотъ взглядъ мало обоснованъ. Для Шпенглера національ-социализмъ есть «социализмъ плебейскій» и «социалистическая демагогія» гитлеризма была ему неяснѣе. Отвергаетъ Шпенглеръ и расистскую теорію. Для него раса — категория не биологическая, а психологическая.

Трагедія Шпенглера, какъ политическаго идеолога, заключается въ томъ, что его «пруссскій социализмъ» оказался исторически не нужнымъ. Националь-социалистическое движеніе прошло мимо него. Этимъ не умаляется, конечно, значеніе Шпенглера, какъ одной изъ самыхъ яркихъ фигуръ послѣвоенной Германіи.

Не касаясь здѣсь общихъ культурно-философскихъ воззрѣній Шпенглера, остановимся лишь на характеристикѣ его взглядовъ на русскую проблему, издавна привлекавшую его вниманіе.

Нетрудно показать, что его воззрѣнія на русскую культурную